

СТРАНЫ ТРЕТЬЕГО МИРА: НАЦИОНАЛИЗМ VS
НЕОЛИБЕРАЛИЗМ
*THIRD WORLD COUNTRIES: NATIONALISM VS
NEOLIBERALISM*

**Восстание сапатистов:
нищие мексиканские индейцы против
мирового неолиберального капитализма**

*А. С. ФРОЛОВА**
*М. С. КУРАН***

***ФРОЛОВА Анна Сергеевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечного дела и информационных технологий ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры». Адрес: 656055, г. Барнаул, ул. Юрина, 277. E-mail: rus.librarian@yandex.ru

****КУРАН Марина Степановна** – старший преподаватель кафедры библиотечного дела и информационных технологий ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры». Адрес: 656055, г. Барнаул, ул. Юрина, 277. E-mail: kuranm@mail.ru

Изложена краткая хронология антиправительственных выступлений мексиканской леворадикальной группировки «Сапатистская армия национального освобождения» (январь 1994 г.). Ее социальная база – экономически уязвимые представители коренного индейского населения штата Чьяпас. Современные наблюдатели склонны считать восстание сапатистов поворотным для регионального общественно-политического климата событием, придавшим импульс идейной консолидации мировых антиглобалистских сил. На философских и политических концепциях главного идеолога Сапатистской армии национального освобождения – субкоманданте Маркоса (полит. псевд.) проанализировано ядро сапатизма, вобравшее в себя наряду с максимизмом марксизма-ленинизма элементы анархо-пацифизма, маоизма, геваризма, антиамериканизма, антикорпоративного активизма. Мишенью для жесткой критики сапатисты избрали мировой неолиберальный капитализм, который, согласно взглядам сапатистов, представляет серьезную опасность для суверенных национальных государств, оказавшихся на периферии мирового хозяйства. Разгосударствление мирового сообщества через избирательную либерализацию и стандартизацию национальных отраслевых законодательств приведет к радикальному усилению роли рычагов рыночного управления, игнорирующего в интересах крупнейших международных корпораций базовые национальные политико-экономические потребности. Неолиберальный капитализм логично нацелен на форсированную унификацию моделей управления государствами, отказывая в праве на существование локальным традициям политической культуры. Установлена идейная близость между лидером движения сапатистов и крупнейшими современными «левыми» философами (Ю. Хабермасом, М. Хардтом, А. Негри) по ряду фундаментальных для политической философии вопросов. Охарактеризованы различия между сапатизмом и теорией коммунизма в оценках «национального вопроса» и социальной структуры революционных сил.

Ключевые слова: Сапатистская армия национального освобождения (САНО), сапатизм, субкоманданте Маркос, Чьяпас (мексиканский штат), мексиканская революция 1910–1917 гг., мексикан-

ский анархо-коммунизм, неомарксизм, мексиканские «левые», «левое» движение в государствах «третьего мира».

DOI: 10.31857/S086904990012705-7

Цитирование: Фролова А.С., Куран М.С. (2021) Восстание сапатистов: нищие мексиканские индейцы против мирового нелиберального капитализма // *Общественные науки и современность*. 2021. № 1. С. 157–167. DOI: 10.31857/S086904990012705-7

Zapatistas' Uprising: Poor Mexican Indians Against World Neoliberal Capitalism

*Anna S. FROLOVA**

*Marina S. KURAN***

***Anna S. Frolova** – Candidate of Sciences (Pedagogy), Assistant Professor, Altai State Institute of Culture. Address: Yourin st., 277, Barnaul, 656055, Russia. E-mail: rus.librarian@yandex.ru.

****Marina S. Kuran** – Senior Lecturer, Altai State Institute of Culture. Address: Yourin st., 277, Barnaul, 656055, Russia. E-mail: kuranm@mail.ru.

Abstract. The article briefly describes events history of anti-government protests (January, 1994) run by the Mexican left-wing armed opposition group «Zapatista Army of National Liberation» which had the economically vulnerable minority, communities of Indian indigenous peoples of Mexican state Chiapas, as its social support basis. The majority of today's observers tend to believe that the Zapatistas' uprising was a turning point for regional public and political climate that encouraged ideological consolidation of world antiglobal forces. The paper considers the ideological core of Zapatism that includes along with philosophical maxims of classic Marxism-Leninism elements of Anarchy-Pacifism, Maoism, Gevarism, Anti-Americanism, Anticorporate activism in various degrees. The analysis is based on philosophical writings and political declarations by Subcomandante Marcos (political pseudonym), leader of the Zapatista Army of National Liberation. The Zapatistas strongly criticized world neoliberal capitalism that embraced principles of ethic and legal nihilism towards actors of the global market. According to the Zapatistas' views, neoliberalism entails serious risks for sovereign states pushed away to the periphery of world economics: such countries are seen as a light barrier on the way toward denationalization of the world society through selective liberalization and standardization of national sectoral legislations that will help reach the strategic goal. That is a radical growth of the role of market levers which exactly will ignore basic political and economic needs of the state in favor of multinational corporations. So, neoliberal capitalism is logically aimed at forced unification of government control models refusing local traditions of political culture the right to exist. Also, the paper states the ideological congeniality between the leader of the Zapatistas and several modern outstanding left philosophers (in particular, Jürgen Habermas (Germany), Michael Hardt (USA), Antonio Negri (Italy)) concerning several key fundamental for political philosophy issues. Differences between Zapatism and the theory of Communism regarding tensions between inter-racial/ inter-ethnic communication and the social structure of revolutionary forces are outlined.

Keywords: Zapatista Army of National Liberation, Zapatism, Subcomandante Marcos, Chiapas (a Mexican state), the Mexican Revolution (1910–1917), Mexican Anarchy-Communism, Neomaxism, Mexican lefts-wingers, the left movement in the Third World countries.

DOI: 10.31857/S086904990012705-7

Citation: Frolova A., Kuran M. (2021) Zapatistas' uprising: poor Mexican Indians against world neoliberal capitalism. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 00–00. DOI: 10.31857/S086904990012705-7 (In Russ.)

Политическая история латиноамериканского макрорегиона – это летопись экспериментов в диапазоне от крайне «правых» до крайне «левых» проектов. Симон Боливар – центральная фигура войны за независимость испанских колоний в Америке 1808–1833 гг. и отец политической самостоятельности южноамериканского материка. Прозревая грядущий политический раскол в рядах государств, только что обретших под его руководством автономию, он убеждал страны составить единую федерацию («Пусть нашим девизом будет единство испанской Америки!»). Однако, встретив энергичную оппозицию в лице внутрипартийных сепаратистских сил, он оставил свои попытки¹. Политической интеграции стран Латинской Америки на тот период препятствовали, как минимум, четыре причины: разность взглядов ведущих политических сил на предпочтительную форму государственного управления, отсутствие крепких межгосударственных хозяйственных связей, неготовность национальных властных элит «новорожденных» государств к утрате недавно приобретенной ими политической независимости, а также жесткая конкуренция между территориями за статус государства с функциями политического центра (государства-«объединителя»).

В начале XXI в. в отсутствие фундаментальных внутри- и межгосударственных противоречий пестрота политических предпочтений и симпатий народов латиноамериканского ареала оказалась почти полностью нивелирована². Однако политологи настойчиво предостерегают от опасности исключения из числа акторов современного политического процесса сил, представляющих «освященный» местной исторической традицией «левый» радикализм. В целом ряде латиноамериканских государств партии явной или латентной социалистической ориентации периодически переживают электоральный успех, приобретая существенный политический вес (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Чили и др.). В некоторых государствах продолжительное время действует вооруженное «ультралевое» подполье³, пользующееся поддержкой статистически значимой доли населения. О степени симпатий к «левым» проектам можно судить по тому факту, что идейная полемика в лагере латиноамериканских радикальных «левых» нередко оканчивается взаимными обвинениями сторон в недостаточной «левизне».

Ведущие отечественные эксперты, специализирующиеся на оценке политической обстановки в странах современной Латинской Америки (как, например, В. Давыдов – научный директор Института Латинской Америки РАН), во второй половине 2010-х гг. констатировали завершение «левого поворота» в политическом настоящем Боливии, Венесуэлы, Коста-Рики, Мексики, Никарагуа, Уругвая, Чили [Давыдов 2007; Журнов, Шереметев 2008]. «Левый» крен стал реакцией на провал неолиберальной модернизации экономических систем государств в 1990-х гг. [Пашенцев 2015], повлекший за собой грубую диспропорцию в доходах населения, колоссальный рост нормы безработицы, оперативное и беспорядочное свертывание масштабных государственных программ социальной поддержки малоимущих, установление оскорбительной и губительной экономической, валютной и энергетической зависимости от североамериканских соседей, утрату крупными латиноамериканскими государствами кредитоспособности и пр.

Внимание политических аналитиков по всему миру привлекла реакция мексиканских «левых» на кризис с надеждами конвертировать энергию масс в общественный протест граждан, но, ввиду резкого понижения жизненных стандартов, – в революционный. 1 января 1994 г. Сапатистская армия национального освобождения (САНО) подняла воо-

¹ Хотя проект нельзя назвать провальным: идея все же была реализована в Великой Колумбии (нынешние Венесуэла, Колумбия и Эквадор), просуществовавшей чуть более десятка лет (с 1819 до 1831 г.).

² Все суверенные государства Центральной и Южной Америки пытаются наследовать классической республиканской традиции: доминирующая форма политического управления – президентская республика.

³ Например, колумбийская повстанческая экстремистская группировка «Революционные вооруженные силы Колумбии» (FARC), заявившая о своем возрождении в конце лета 2019 г. [Тарасенко 2019а; Тарасенко 2019б], «Народная армия Парагвая» (и ее фракция «Ассоциация вооруженных крестьян») и др.

руженное восстание против мексиканской армии. Продлившись 11 дней, противостояние завершилось переговорами с официальными властями: вопреки ожиданиям мятежников, общенациональной революции не случилось.

Методологические установки исследования

Попробуем проанализировать региональный и международный социально-политический эффект, произведенный антиправительственной активностью сапатистов. Во-первых, рассмотрим концепцию территориальности, согласно которой поведение участников политического процесса (как на национальном, так и на субнациональном уровнях), ориентированных на разные типы политического действия, продиктовано потребностью в установлении административного контроля над территорией. Во-вторых, рассмотрим теорию защиты регионального интереса, согласно которой установление регионального политического лидерства с целью обособить периферийные территории от центральной власти (с последующим обретением ими статуса субнациональной формы государственности) мотивировано соображениями защиты местных групповых интересов (политических, экономических, культурных). В контексте нашего исследования также методологически значимы теоретические наработки политико-системного подхода в рамках рационалистского направления политической регионалистики. В нем защита групповых интересов, сосредоточенных вокруг того или иного ареала (в крайнем случае как предмета внутригосударственного территориального спора) рассматривается в качестве фактора консолидации локальных политических сообществ и сил, предвещающей обретение территорией качеств и характеристик политического субъекта.

Прошлое и настоящее Сапатистской армии национального освобождения

САНО, организованная за десять лет до революционных событий, видела себя продолжателем дела Эмилиано Сапата – лидера Мексиканской революции 1910–1917 гг., начертавшей на своих знаменах проклятия крупному капиталу и славословия общинному землевладению. Социальную базу сапатистского движения составили, преимущественно, малочисленные автохтонные сообщества Лакандонских джунглей – индейцы южного мексиканского штата Чьяпас⁴. Недовольство коренного населения крайним экономическим неблагополучием стало причиной антиправительственных выступлений [Попова 2015; Морозов 2006; Berghe 2004; Orr-Álvarez 2017; Sergi 2009; Rénique 2009; Knight 2010; Krøvel 2010]. Отечественные и зарубежные исследователи напрямую связывают восстание сапатистов со вступлением в силу Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА; англ. North American Free Trade Agreement, NAFTA) [Попова 2015; Berghe 2004; Orr-Álvarez 2017; Sergi 2009; Evans 2009], ставшего, по выражению мексиканского писателя, журналиста и общественного деятеля Пако Игнасио Тайбо II, «смертельным ударом в живот общинам коренных народов [Мексики]» [Orr-Álvarez 2017]. Соглашение предусматривало радикальную либерализацию ряда положений земельного и лесного законодательства Мексики, устранявшую препятствия на пути активного освоения нефтеносных районов и вырубки лесных участков на индейских территориях.

Восстание 1994 г. не принесло сапатистам желаемый результат. Взгляды лидера движения на методы антигосударственной борьбы претерпели коренные изменения.

⁴ Мексика – страна с развитой доколумбовой культурой, имеющая среди своих граждан 21,5% коренного населения – индейцев, потомков ацтеков. Сегодня — это единственное латиноамериканское государство, в котором принадлежность к индейскому племени не считается признаком этнической или социально-экономической дискриминации. Коренное население сравнительно неплохо интегрировано в экономическую жизнь страны, парадоксально составляя при этом большинство категории малообеспеченных жителей Мексики.

В частности, пришлось отказаться от насильственного захвата официальной власти⁵ в пользу построения властной иерархии параллельно с законно избранной мексиканской администрацией [Попова 2015] в местах проживания индейских общин и компактной дислокации сил сапатистского движения – в Лакандонских джунглях. Там самовольно селились «симпатизанты» САНУ, и постепенно эта территория превратилась в очаг политической напряженности.

Главным идеологом САНУ стал человек, ныне известный в истории мирового «левого» движения под политическим псевдонимом «субкоманданте [инсургенте] Маркос» (с исп. *Subcomandante Insurgente Marcos* – «заместитель командующего повстанцами Маркос»)⁶. Вплоть до ухода с поста лидера сапатистов 25 мая 2014 г., субкоманданте Маркос, сохраняя верность однажды принятой формуле «наше оружие – слово» [Маркос 2001], активно публиковал партизанские декларации, политические эссе, философские сочинения и полевые видеообращения, которые быстро снискали популярность сначала в Латинской Америке, а потом и за ее пределами (вначале – в испаноговорящем мире). На какое-то время персона Маркоса приковала к себе живейшее внимание крупных фигур из мира политической журналистики (уже упомянутый мексиканский журналист П.И. Тайбо II, венесуэльский журналист Х.Р. Кинтеро, норвежский публицист и педагог Р. Кревель), известных писателей (Г. Маркес, К. Монсиваис) и кинорежиссеров (П. Лунгин, О. Стоун).

С подачи Маркоса социал-реформистский эксперимент по созданию автономной индейской республики уверенно вошел в информационную повестку крупнейших мировых средств массовой информации. Наблюдатели отмечали, что именно международная огласка инцидента с вооруженным выступлением сапатистов подтолкнула официальную мексиканскую администрацию к переговорам. Спустя два года после революционных событий стороны приняли мирные сан-андреасские соглашения. Маркос, следуя своему боевому кредо («Мы просто обязаны заставить всех, кто имеет власть, чувствовать себя некомфортно» [Маркос 2002]), воспользовался моментом. Он громко заявлял о бедственном положении населения штата Чьяпас, излагал свои взгляды по преодолению фундаментальных политико-экономических проблем современной Мексики, рассуждал о коренных причинах поражения январской революции, прогнозировал будущее мирового «левого» движения, жестко критиковал неолиберализм, который называл Четвертой мировой войной⁷.

Литературно-философские труды идеолога сапатистского движения задали тон читательской моде в среде «левой» молодежи, привлеченной оригинальностью взглядов и новизной авторского стиля. Его работы были попыткой реабилитировать в глазах симпатичного ему простого неученого деревенского жителя «левую» интеллектуальную традицию, перегруженную академизмом. Маркос обращался к устному фольклору индейцев – так сапатизм обретал свои идейные константы в народной мифологии, поговорках, загадках. Благодаря такому экзотичному сочетанию сапатистские тексты производят неожиданный эффект: они одновременно вызывают в читателе экстремизм и дерадикализацию, мобилизуя на мирный протест, отказ от вооруженных методов борьбы.

⁵ Часть исследователей (как, например, И. Морозов) рассматривает отказ от вооруженных методов политического сопротивления как доказательство квазиреволюционного характера сапатистского движения [Морозов 2017].

⁶ Отечественному читателю этот персонаж знаком также под литературным псевдонимом «Дон Дурито Лакандонский» (Лакандонские джунгли – «резиденция» сапатистов). Сочинения мексиканского «левого» философа выпускало екатеринбургское издательство «Ультра. Культура», главным редактором которого вплоть до своей кончины был И. Кормильцев – поэт, переводчик, литературный критик, популяризатор экстремистской литературы. Отечественным меломанам он также известен как автор текстов советской и российской рок-группы «Nautilus Pompilius».

⁷ Третья мировая война, по версии субкоманданте Маркоса, – это т. н. «холодная война», период глобального политико-экономического противостояния блоков социалистических и капиталистических государств (1946–1990 гг.).

Нельзя не упомянуть о притязаниях САНО на статус мирового центра «левого» движения: в 2005 г. руководство сапатистов пригласило к многодневной очной дискуссии представителей более шести сотен «левых» организаций (как умеренных, так и радикальных) со всех континентов. О результатах этой масштабной встречи политических единомышленников известно немного; событие, похоже, стало лишним подтверждением органической неспособности «левых» сил к консолидации. Вместе с тем уже нельзя игнорировать тот факт, что современная мексиканская «леворадикальная» мысль программирует коллективный интеллектуальный поиск стратегии борьбы мирового антиглобалистского движения с неолиберальным капитализмом.

Даже став публичной фигурой, Маркос посчитал необходимым сохранить анонимность – мировой прессе неизвестно ни его настоящее имя, ни подлинная биография; нет ни одного фото, на котором глава сапатистского движения был бы запечатлен без маски-балаклавы⁸. В своем последнем заявлении лидер сапатистов публично – в присутствии группы мексиканских и иностранных журналистов и политических активистов – объявил о «смерти» персонажа субкоманданте Маркоса [Маркос 2014] и попросил более не связывать его имя с деятельностью САНО. Вместо ставшего известным далеко за пределами «ультралевых» кругов Маркоса на арену политической борьбы вступил этот же человек, взявший себе новое имя в память об убитом соратнике – местном учителе Галеано [Orr-Álvarez 2017]. «Церемония наречения» носила выраженный постановочный характер (сапатистов, кстати, не раз упрекнули в театрализации публичных акций движения, препятствующей, по мнению критиков, достижению серьезных политических целей и привлекающей лишь праздное зрительское любопытство).

В 2017 г. по инициативе сапатистов был созван Национальный конгресс коренных народов Мексики, на котором делегаты избрали представительницу народа науа в качестве кандидата на пост главы государства от коренных народов на выборах 2018 г. [Ambrosi De la Cadena 2018; Впервые... 2017]. Некоторые зарубежные исследователи (например, Marco Ambrosi De la Cadena) усматривают в этом событии признаки очередной перемены отношения сапатистов к институционализированной форме политической власти [Ambrosi De la Cadena 2018].

Ближайшие перспективы развития сапатистского движения прогнозировать трудно. По оценке Морозова, «говорить о стратегическом успехе сапатистского движения... рано. ...Оптимистические прогнозы относительно скорого перерождения САНО из местечкового партизанского формирования в мощное международное политическое течение... так и не оправдались... Боевая организация сапатистов утратила какие-либо перспективы в масштабах Мексики: САНО не удалось даже поставить под контроль штат Чьяпас, не говоря уже о фантастических планах широкомасштабного наступления на Мехико» [Морозов 2006]. Сан-Андреасские соглашения, на которые мятежники возлагали свои надежды, остались, по существу, декларацией [Ambrosi De la Cadena 2018]. Лидер повстанцев добился не просто инстинктивной поддержки, а истовой преданности части индейского населения. Жестко критикуя политические действия проамерикански настроенного руководства страны, он заставил «левых» по всему миру отказаться от участия в публичной политике, сосредоточить силы на обустройстве быта сельских общин индейцев, переживающих хозяйственный упадок вследствие отказа от государственной поддержки [Попова 2015].

⁸ Некоторые исследователи механизмов социальной перцепции политической идентичности субъекта объясняют такой способ добровольной деперсонализации попыткой главы сапатистов сместить фокус общественного внимания со своей персоны на фигуру безликого и бессловесного обывателя [Bowman 2005; Orr-Álvarez 2017; Thomassen 2006 и др.]; в своих литературно-философских сочинениях Маркос чаще употреблял местоимение «мы» вместо «я».

Идеологическая платформа сапатизма

Деятельность САНО нашла живой отклик у профессиональных политологов, журналистов ведущих мировых общественно-политических изданий, историков «левой» мысли и теоретиков «левого» движения, виднейших публицистов современности, интеллектуалов-одиночек, политически активной молодежи по всему миру. Каково идейное ядро сапатизма? Здесь присутствуют элементы классического марксизма-ленинизма, постмарксизма, общинного анархизма, маоизма, геваризма, антинеолиберализма (= радикального антиглобализма = антиамериканизма), антикосмополитизма, анархо-пацифизма, антикорпоративного активизма, древнеиндейской мифологии. В текстах своих главных «коммюнике» Маркос изложил основные требования анархо-коммунистического⁹ движения к официальным мексиканским властям:

- создать в стране самообеспечиваемые – импортонезависимые – аграрные системы;
- учитывать социально-экономические и культурные интересы автохтонного населения Мексики, ведущего традиционный образ жизни и сохраняющего исторически сложившийся хозяйственный уклад, в контексте промышленной модернизации государства и развития высокотехнологичных отраслей экономики;
- закрепить права коренного индейского населения на политическое самоуправление; существенно ограничить приватизацию зарубежными (прежде всего – американскими и канадскими) компаниями общинных земель и крупнейших нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий Мексики, принявшей облик агрессивной экономической интервенции.

Повстанцы не доверяют официальным заявлениям властей о решительном отказе от неолиберальной политико-экономической модели развития. Громкая «левая» риторика, по мнению руководства САНО, служит камуфляжом для властных структур латиноамериканских государств «социализма XXI столетия», декларирующих приверженность идеям ортодоксального коммунизма. На деле же они вынуждены поддерживать неолиберальный порядок, отказываясь под давлением финансового шантажа от борьбы против унижительной и разорительной диктатуры североамериканских соседей, Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации, крупных игроков энергетического, сырьевого и продовольственного рынков.

Сапатизм можно рассматривать как попытку синтеза классических идей интернациональной антикапиталистической борьбы с консервативными представлениями об абсолютной доминанте национального (в данном случае – промексиканского) начала в политике. Политические декларации лидера сапатистов изобиловали жесткими критическими пассажами в адрес мирового неолиберального капитализма, для которого «все является товаром, все продается и эксплуатируется» [Маркос 1999]. В литературных работах и публичных речах субкоманданте яростно осуждал, главным образом, этический нигилизм неолиберализма, проистекающий из тождества «рыночная экономика = рыночное общество». Приоритетная цель экспансии неолиберального капитализма – тотальная интернационализация мирового рынка, исключая заботу о партикулярных национальных социально-экономических интересах суверенного государства. Экономические доктрины неолиберализма, по мнению Маркоса, подчинены единственной сверхзадаче – оправданию радикальной унификации политического, правового и социально-экономического облика современных государств, поскольку принудительная гомогенизация

⁹ Руководство САНО не раз подчеркивало свое презрение к классификационной дисциплине: вопросы журналистов о самоопределении движения в спектре известных политических систем и сил идеологи сапатистов оставляют без ответа, отвергая любые гипотезы о собственной принадлежности к какому-либо «лагерю». Однако флаг движения – красная звезда на черном полотнище – дает исчерпывающую характеристику его политической ориентации.

форм политического управления государствами обеспечивает жизнеспособность неолиберализма. Неолиберальный проект несправедливо игнорирует уникальный религиозно- и культурно-исторический контекст генезиса традиций политического управления той или иной территорией и отказывает государству-нации в праве на субъектность в системе межгосударственных политических связей и взаимоотношений.

Сапатисты и «левые» интеллектуалы

Каким образом эклектичная идейная платформа сапатистского движения соотносится с теоретическими взглядами на ключевые проблемы политической философии крупнейших «левых» философов современности? Взгляды главного идеолога сапатистов близки точке зрения выдающегося современного немецкого политического мыслителя, теоретика коммуникации, социолога Ю. Хабермаса, утверждающего, что «...гегемониальный либерализм не стремится к созданию правового, политически институционализованного мирового сообщества, а нацелен на создание международного порядка, предполагающего существование формально независимых либеральных государств. Они будут находиться под патронажем сверхдержавы, обеспечивающей “состояние мира”, а с другой стороны, встроены в контекст разгосударственного мирового общества и повинуются императивам полностью либерализованного мирового рынка. Согласно такой конструкции, ... мировое общество интегрируется... в пространстве рынка» [Хабермас 2008]. Схожего мнения придерживаются и современные радикальные «левые» философы – М. Хардт и А. Негри [Хардт, Негри 2006], называющие (как и Ю. Хабермас) новый мировой порядок «имперским», подразумевающим «неограниченную свободу действий мировой властной элиты, ... и ее минимальную ответственность за их результаты» [Хардт, Негри 2006] и «за судьбы [мировой эксплуатируемой] периферии» [Хардт, Негри 2006]. Яркие выраженные черты такой системы мыслители считают «преобладание силы и экономической мощи над правом и нравственностью» [Хардт, Негри 2006] и «желание [субъектов надгосударственного администрирования] “снимать сливки” с неуправляемых процессов глобализации» [Хардт, Негри 2006].

Оздоровление власти кормчий сапатистского движения связывал с откатом к примитивной, непрофессиональной политике [Маркос 2014] (то есть с разгосударствлением политического управления) – в полном согласии с идеями либертарного коммунизма. Тех же мыслей придерживаются Хардт и Негри, связывая свои надежды на победу «левых» сил в борьбе против капиталистической системы с «созданием новой формы социальной организации, способной заменить систему суверенитетов, ... в которой личности контролировали бы через свою биополитическую активность блага и услуги, обеспечивающие воспроизводство множества. Все это знаменует переход от рес-публики (Res-publica) к рес-коммуне (Res-communis)» [Хардт, Негри 2006]. Между тем Хабермас отказывается рассматривать всерьез идеи анархического социализма, для которого идеальной моделью общественного устройства становятся стихийно интегрирующиеся социальные ассоциации, самоорганизующиеся в результате выхода из-под опеки бюрократизированного государственного управления [Фурс 2000].

Марксистская доминанта сапатизма очевидна, однако нельзя не отметить разницу идейных взглядов мексиканских революционеров на «национальный вопрос» с теоретическими конструкциями классического коммунизма. Вооруженные антиправительственные выступления САНО под командованием субкоманданте Маркоса носили черты национально-освободительного движения – основные политические требования восставших касались защиты прав коренного населения экономически депрессивного мексиканского штата Чьяпас. Именно «национальный вопрос» – наряду с требованием полной национализации природных ресурсов и промышленных мощностей Мексики – заботит руководство

сапатистов, требующих конституционного права на политическую автономию для автохтонного населения (по замечанию K.V. Berghe и В. Maddens, сапатисты предпочитают определять «социальную реальность в терминологии, скорее, концепций этнических процессов, чем теории классовой борьбы») (см. [Berghe 2004]).

Коммунизм возможен только при дефиците национального чувства, понимаемого как преданность своей этнической/гражданско-государственной общности в ущерб классовой солидарности. Сапатисты же делают выбор в пользу исторически сложившегося национального пути общественно-политического развития, выступают за сохранение самобытных традиций политической культуры нации, отвергая при этом мнимый универсализм любой – прежде всего, неолиберальной – политико-экономической модели (по сути глобальный антиглобализм). По оценке Хабермаса, постмарксистский проект «не отличается концептуальной четкостью; его жизненность определяется очевидными реалиями – исчезновением дифференциации между формами государственной власти в результате процессов глобализации, которые в условиях мирового общества, связанного сетями медийных коммуникаций и все сильнее интегрирующегося экономически, углубляют социальное неравенство и культурную фрагментарность» [Хабермас 2008].

Расхождения заметны и в определении общественной силы, выступающей в роли революционного авангарда. По замечанию современного российского исследователя Морозова, лидеры сапатистского движения – вопреки заветам К. Маркса (например, «Манифест коммунистической партии») и В. Ленина (например, «Пролетарская революция и ренегат Каутский»), вслед Мао Цзэдуном и Э. Че Геварой – сделали основной социальной базой политических переворотов отнюдь не городской пролетариат, знакомый (хотя бы поверхностно) с достижениями общественно-политической мысли, а политически безграмотное сельское крестьянство [Морозов 2017; см. также Sergi 2009].

* * *

Вооруженное восстание в начале января 1994 г. Сапатистской армии национального освобождения против мексиканской администрации привлекло внимание крупных международных информационных агентств и новостных служб к многолетним социальным проблемам коренного индейского населения экономически наименее благополучной территории латиноамериканского государства – южного штата Чьяпас. Руководителю антиправительственных выступлений сапатистов – «левому» писателю и философу субкоманданте Маркосу – удалось, «капитализировав» интерес средств массовой информации к революционным событиям, добиться некоторых политических уступок и гарантий социальных изменений со стороны государственных властей. Внимание прессы обеспечило идеологу сапатистов выход на обширную аудиторию. Свой талант политического мыслителя и агитатора Маркос употребил для развернутой аргументации ключевого для идеологической системы сапатизма тезиса: искусственное сдерживание экономического роста, рукотворный экономический упадок развивающихся стран – результат хищнических действий глобальных неолиберальных сил. Следовательно, выбор пост-неолиберального курса – единственный реальный шанс для государства сохранить политическую самостоятельность в тисках мирового рынка. Позиция мексиканского революционера находит понимание у современных «левых» интеллектуалов в лице Хабермаса, Хардта и Негри, рассматривающих антиглобализм в качестве альтернативы рыночному фундаментализму, интерпретирующему общественные взаимоотношения как акты конкурентной борьбы или купли-продажи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Впервые кандидатом в президенты Мексики стал представитель коренных народов (2017) (<https://regnum.ru/news/polit/2280832.html>).
- Давыдов В.М. (2007) Латиноамериканский поворот. № 2. С. 10–15.
- Жирнов О.А., Шереметев И.К. (2008) «Левый поворот» в Латинской Америке. Аналитический обзор. Москва: ИНИОН РАН.
- Интервью субкоманданте Маркоса Габриэлю Гарсиа Маркесу (2001) (https://scepssis.net/library/id_579.html).
- Маркос (2002) Другая революция: сапатисты против нового мирового порядка. Москва: Гилея.
- Маркос (2014) Между светом и тенью (https://scepssis.net/library/id_3579.html).
- Маркос (1999) Четвертая Мировая война (https://scepssis.net/library/id_576.html).
- Морозов И.Л. (2017) От Маркса до Маркоса – поиск субъекта и стратегии революции // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 22. № 6. С. 8–21.
- Морозов И.Л. (2006) Попытка адаптации леворадикальной идеологии к реалиям современного мира: опыт сапатизма // Полис. Политические исследования. № 5. С. 129–143 (<https://doi.org/10.17976/jpps/2006.05.09>).
- Пашенцев Е.Н. (2015) «Левый поворот» и медиавойны в Латинской Америке // Государственное управление. Электронный вестник. № 51. С. 283–316. DOI:10.24411/2070-1381-2015-00056.
- Попова Л.Л. (2015) 20 лет восстания сапатистов в Мексике // Латинская Америка. Вып. 1. С. 59–63.
- Тарасенко П. (2019^а) «Для крайне правых политиков мы все – потенциальные террористы»: [Коммерсант]“Ъ” поговорил с бывшим бойцом FARC о возрождении колумбийской группировки (<https://www.kommersant.ru/doc/4079182>).
- Тарасенко П. (2019^б) Партизаны Колумбии отрыли топор войны: бойцы FARC вновь берутся за оружие (<https://www.kommersant.ru/doc/4074947>).
- Фурс В.Н. (2000) Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск: ЗАО «Экономпресс».
- Хабермас Ю. (2008) Кантовский проект и расколотый Запад // Расколотый Запад. М.: Весь мир. С. 103–187.
- Хардт М., Негри А. (2006) Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция.

REFERENCES

- Ambrosi De la Cadena M. (2018) El Zapatismo como ‘resistencia crítica’ al neoliberalismo. *Revista Chakiña*, no. 4, pp. 28–42. DOI: .
- Berghe K., Maddens B. (2004) Ethnocentrism, Nationalism and Post-nationalism in the Tales of Subcomandante Marcos. *Mexican Studies. Estudios Mexicanos*, vol. 20, pp. 123–144. DOI: 10.1525/msem.2004.20.1.123.
- Bowman P. (2005) 3Marxism(s) and Post-Marxism(s). *The Year’s Work in Critical and Cultural Theory*, vol. 13, pp. 38–59. DOI: 10.1093/ywcct/mbi003.
- Davydov V.M. (2007) Latinoamerikansky povorot [Latin American Turn]. *Ekonomicheskie strategii*, no. 2, pp. 10–15. (In Russ.).
- Evans B. (2009) Revolution without Violence. *Peace Review: A Journal of Social Justice*, vol. 21, no. 1, pp. 85–94
- Furs V. N. (2000) *Filosofiya nezavershyonnogo moderna Yurgena Habermasa* [Philosophy of Jürgen Habermas' Unincompleted Project]. Minsk: Ekonompress. (In Russ.).
- Habermas Jü. (2008) Kantovskij proekt i raskolotyj zapad [The Kantian Project and the Divided West]. *Raskolotyj zapad* [The Divided West]. Moscow: Ves' Mir, pp. 103–187. (In Russ.).
- Hardt M., Negri A. (2006) *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v epohu imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow: Cultural Revolution. (In Russ.).
- Interv'y u subkomandante Markosa Gabrielyu Garsia Markesu* (2001) [Gabriel García Márquez interviewed [Zapatistas' Subcomandante] Markos]. (https://scepssis.net/library/id_579.html). (In Russ.).

- Knight A. (2010) The Myth of the Mexican Revolution. *The Past and Present Society*, no. 209, pp. 223–273. DOI: doi:10.1093/pastj/gtq010
- Krøvel R. (2010) Anarchism, The Zapatistas and The Global Solidarity Movement. *Global Discourse*, vol. 1, no. 2, pp. 20–40. DOI: 10.1080/23269995.2010.10707855
- Markos (1999) *Chetvyortaya Mirovaya vojna* [World War IV]. (https://scepsis.net/library/id_576.html) (In Russ.).
- Markos (2002) *Drugaya revolyutsiya: zapatisty protiv novogo mirovogo poryadka* [The other revolution: Zapatistas against the New World Order]. Moscow: Gilea. (In Russ.).
- Markos (2014) *Mezhdru svetom i ten'yu* [Between the Light and the Darkness] (https://scepsis.net/library/id_3579.html). (In Russ.).
- Morozov I.L. (2006) Popytka adaptatsii levoradikal'noy ideologii k realiyam sovremennogo mira: opyt zapatisma [An attempt to adapt the left-wing radical ideology to the realities of the modern world: the experience of Zapatism]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 129–143. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.05.09>. (In Russ.).
- Morozov I.L. (2017) Ot Marksa do Markesa – poisk sub'ekta i strategii revolyutsii [From Marx to Marcos. Search of the Subject and the Strategy of Revolution]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 22, no. 6, pp. 8–21. (In Russ.).
- Naidorf J., Martinetto A. B., Sturniolo S. A., Armella J. (2010) Reflexiones acerca del rol de los intelectuales en América Latina. *Archivos Analíticos de Políticas Educativas*, vol. 18, no. 25. DOI: 10.14507/epaa.v18n25.2010.
- Orr-Álvarez B. (2017) *Masking Revolution: Subcomandante Marcos and the Contemporary Zapatista Movement*. Performing Utopias in the Contemporary Americas K. Beauchesne (eds.). New York: Palgrave Macmillan, pp. 111–129. DOI: 10.1057/978-1-137-56873-1_7.
- Pashentsev E.N. (2015) «Levy povorot» i mediavoyny v Latinskoy Amerike [“Left Turn” and media wars in Latin America]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Electronnyi vestnik*, no. 51, pp. 283–316. DOI:10.24411/2070-1381-2015-00056. (In Russ.).
- Popova L.L. (2015) 20 let vosstaniya zapatistov v Meksike [The 20th Anniversary of the Zapatista's Uprising]. *Latinskaya Amerika*, is. 1, pp. 59–63. (In Russ.).
- Rénique G. (2009) Introduction, Latin America today: The revolt against neoliberalism. *Socialism and Democracy*, vol. 19, no. 3, pp. 1–11. DOI: 10.1080/08854300500284561.
- Sergi V. (2009) Zapatistas, EZLN, and the Chiapas Uprising. *The International Encyclopedia of Revolution and Protest*. Emmanuel Ness ed. [...]: Blackwell Publishing. Pp. 1–8. DOI:10.1002/9781405198073.wbierp1638.
- Tarasenko P. (2019^a) «Dlya krajne pravyyh politikov my vse – potencial'nye terroristy»: [“Kommersant”] pogovoril s byvshim boycem FARC o vozrozhdenii kolumbijskoj gruppirovki [“All of us are would-be terrorists for Right-Wing persons”: “Kommersant” had a talk with a former FARC fighter about resurrection of the Columbian militant group] (<https://www.kommersant.ru/doc/4079182>). (In Russ.).
- Tarasenko P. (2019^b) *Partizany Kolumbii otryli topor vojny: boycy FARC vnov' berutsya za oruzhie* [Partisans of Columbia dugged up a war axe: FARC's fighters turn to arms again] (<https://www.kommersant.ru/doc/4074947>). (In Russ.).
- Thomassen L. (2006) Beyond Representation? *Parliamentary Affairs*, no. 60, pp. 111–126. DOI: 10.1093/pa/gsl051.
- Vpervye kandidatom v prezidenty Meksiki stal predstavitel' korennyh narodov* [A representative of indigenous peoples became a candidate for president of Mexico for the first time] (2017) (<https://regnum.ru/news/polit/2280832.html>). (In Russ.).
- Zhirnov O.A., Sheremetev I.K. (2008) «Levyj povorot» v Latinskoj Amerike. *Analiticheskij obzor* [“Left Turn” in Latin America. Analytic Review]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ. House. (In Russ.).